

Л. Н. Толстой

**Дневники и записные
книжки. (1888-1889)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Дневники и записные книжки. (1888-1889) / Л. Н. Толстой – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 370 с.

ISBN 978-5-4241-0729-0

ISBN 978-5-4241-0729-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ме того старосту и выборных, и составил сложное управление...

1) Управляющий (2000), 2) Помощник его (1000), 3) Бухгалтер, 4) Управляющий конторой, 5) его помощник, 6) Врач телесный, 7) Врач духовный, 8) Цензор, 9) Усмиритель, 10) Соединитель и т. п. Всё с имения шло на них. Неужели найдутся такие люди, которые скажут, что для улучшения имения нужно внушить управителям добросовестность в исполнении их обязанностей. Такие найдутся только из участников управления. Свежему же человеку ясно, что надо прежде всего всех уничтожить, а потом установить уж только тех, которые окажутся нужны».

На барскую жизнь Толстой смотрит глазами труженика-крестьянина. Баре для него — дармоеды. 15 июня 1889 года он записывает в Дневнике: «У богатых праздных классов детей больше, следовательно, дармоедов всё увеличивается. Так что по самой сущности дела так продолжаться не может».

Все более резко отвергал Толстой точку зрения господствующих классов на положение трудящихся масс. Характерна, например, в этом отношении запись, сделанная 8 октября 1890 года: «Обычное рассуждение о том, что рабочие классы свободны работать или нет, образовываться и подняться в высшие слои общества, напоминает мне вопрос той барыни, которая говорила, что у мужиков нет хлеба, так отчего они не едят пирожки?»

Резкий идейный перелом в мировоззрении Толстого не был понят окружающими его людьми. Они не сочувствовали его осуждению дворянско-помещичьего быта и не желали отказаться от своих сословных привилегий. Толстой тяжело переживал идейный разрыв с близкими ему людьми. Записывая в Дневник 21 июля 1889 года о приезде сына Льва Львовича, Толстой замечает: «Мне всё тяжело с ним». Так же «тяжело» Толстому и с другими сыновьями: Сергеем, Андреем и Ильей, с женой Софьей Андреевной, с Кузминскими. Споры с женой и детьми «терзали измученное сердце» писателя (дневниковая запись 15 июля 1889 года); его мучит, что жена и дети не хотят отказаться от собственности (см. дневниковые записи 18 июня 1890 года и др.); с женой происходят «страшные сцены» (запись 1 декабря 1889 года и др.). Против своих близких 14 мая 1889 года Толстой заносит в Записную книжку «обвинительный акт». Он упрекает своего сына Илью и его жену в «роскоши жизни»,

в том, что они, не трудясь, пользуются трудом девочки-прислуги, которая «работает, не учится, спит на сундуке, не ест с ними».

Толстого тяготит барский образ жизни окружающих его лиц, «болтовня бесполезная», «обжорство грустное и гнусное», в то время как народ голодает (запись 22 июля 1889 года).

Перелом в мировоззрении обусловил резко критическое отношение Толстого к идеологам реакции.

Еще в мае 1881 года Толстой резко осудил «Письма о нигилизме» Н. Н. Страхова, в которых реакционный критик взял под защиту самодержавие и православие. С тех пор писатель настороженно относится к этому «поклоннику» своего таланта. В Дневниках 1888—1890 годов много записей, свидетельствующих о глубоком расхождении Толстого с Страховым (записи 14 июня 1889 года, 10 и 11 июля 1890 года и др.). Выступления в печати апологета реакции В. В. Розанова Толстой считает «тратой бумаги и времени» (запись 10 июля 1890 года) и т. д.

Дневники 1888—1890 годов, как и все творчество писателя, свидетельствуют о том, что «мысль Толстого направлялась всегда по линии интересов крестьянской массы»,¹ что в своем стремлении «дойти до корня», до основных причин социального зла, беспощадно срывал великий художник «все и всяческие маски» с институтов насилия господствующих классов над миллионами угнетенных.

Мучительно напряженно искал писатель средств достижения социальной справедливости. Он сознавал, что справедливость эта «никак не может совершиться ни путем того правительственного насилия, которое теперь существует... ни тем путем, который проповедуют евангельские социалисты, путем проповеди и постепенного сознания людей, что так выгоднее» (Дневник, 7 сентября 1889 года). Но здесь же Толстой обнаруживал непонимание единственного действенного средства преобразования мира — путем революционного насилия большинства трудящихся над меньшинством эксплуататорских классов.

Толстой понимал, что революционеры стремятся к верной цели — социальной справедливости. Их цели он сочувствовал, но отвергал революционный путь переустройства мира. Обра-

¹ М. Горький, История русской литературы, Гослитиздат, 1939, стр. 286.

щаясь к изысканию средств уничтожения социального зла, Толстой проявлял всю утопичность и «реакционную наивность своей теории». ¹ Отвергая революционную борьбу за справедливое распределение материальных благ, добываемых человечеством, Толстой, проповедуя «нравственное самоусовершенствование», предлагал отказаться от производства и потребления «лишних» материальных благ как основного, по его мнению, источника социального зла, возвратиться к первобытным формам общежития и т. д. 27 июля 1889 года он записывает в Дневнике: «Земледелие, заменяющее кочевое состояние, которое я выжил в Самаре, есть первый шаг богатства, насилий, роскоши, разврата, страданий. На первом шаге видно. Надо сознательно вернуться к простоте вкусов того времени. Это невинность мира детская».

Толстой проявляет острую наблюдательность, когда отмечает малую продуктивность разобщенного, индивидуального крестьянского труда (дневниковая запись 13 сентября 1890 г.). Он высказывает правильные мысли о пользе для человечества коллективной формы труда. Это мысли не одного Толстого. Это мысли многих миллионов тружеников земли, веками мечтавших о работе «сообща» как о наиболее продуктивной форме труда. Но подобно патриархальному крестьянину, Толстой не сознает, что для достижения коллективных форм труда в деревне надо сначала уничтожить частно-собственническое землевладение, то есть революционным путем уничтожить эксплуататорскую систему.

Учение Толстого соответствовало социальным взглядам патриархального крестьянства, которое, ненавидя своих угнетателей, «стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе...» ²

Обличая социальное зло, Толстой не знает путей к достижению справедливого общественного устройства, путей к освобождению народа от власти «дармоедов» и рекомендует «самому, каждому приближаться к идеалу» (запись 22 апреля 1889 года).

В своих философских обоснованиях теории «нравственного

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 136.

² Там же, т. 15, стр. 184.

самоусовершенствования» Толстой исходит из сугубо идеалистических положений, что «дух управляет материей: материя есть следствие деятельности духа» (т. 50, Записная книжка № 2, 23 ноября 1889 года). Исходя из этого же основного идеалистического положения, Толстой пытается критиковать «механическую теорию» материалистов (Дневник, 22 февраля 1890 года и др.), отвергает детерминизм воли человека (Дневник, 13 апреля 1890 года), приходит к ложному выводу, что сознание может развиваться вне зависимости от окружающей человека социальной среды (Дневник, 28 ноября 1890 года), и т. д.

В рассматриваемых Дневниках отражены многие ложные (и потому мучительные для Толстого) попытки «низвергнуть» материалистическое учение о природе и общественном развитии.

Не соглашаясь с реакционными взглядами Н. Н. Страхова, Толстой вместе с тем порицает страстную критику идеалистических лже теорий Страхова великим революционером в науке К. Тимирязевым (записи 14 июня 1889 года и др.).

Прочитав одну из статей профессора Харьковского университета П. И. Ковалевского, Толстой, как видно из записи в Дневнике 30 апреля 1889 года, не мог ничего противопоставить материалистическому объяснению происхождения сознания. Но, верный идеалистическим основам своих философских воззрений, он объявляет, что теория происхождения сознания не нужна. Главное, что надо знать, — утверждает Толстой, — это — как сознанию действовать, и не признает, что без знания и изменения причин, действующих на сознание, нельзя изменить и само сознание. Ему кажется, что достаточно людям захотеть «усовершенствоваться», как мир преобразуется сам собой, по воле человеческого сознания. Надо только найти ключ к тому, чтобы убедить человечество изменяться в лучшую сторону. А этим ключом может быть, по мнению Толстого, инстинктивная вера в «бога — добро».

Отстаивая идеалистическую точку зрения, Толстой не возвышал, как это казалось ему, а, напротив, приписывал роль сознания в жизни общества. Человек, записывает он 27 июля 1889 года в Дневнике, «всегда с завязанными глазами. И тем лучше исполняет волю бога, чем он слепее. Как слепая лошадь лучше ходит на кругу».

Со свойственной идеализму наивной, ни на чем не основанной верой в непогрешимость своих догм Толстой восклицает: «С ма-

терьялистами и совсем заблуждающимися не надо тратить времени на спор. Надо, указав им их ошибку, идти вперед; пускай остаются позади. Так же, как с людьми, спорящими о дороге. Надо указать им настоящую и идти по ней, предоставив им исправить свою ошибку или остаться назади» (запись 2 июня 1889 года). Но «спорить» с материалистами Толстому приходится вновь и вновь, потому что, основываясь на ложных философских позициях, великий писатель, естественно, не мог сам отыскать «настоящей дороги» к достижению социального преобразования мира. Приняв решение «не тратить времени на спор» с материалистами, Толстой ходом самой жизни, разрушающей утопические иллюзии писателя, вынужден был все чаще и чаще возвращаться к мыслям о материалистическом учении.

Так Дневники Толстого с чрезвычайной рельефностью обнажают кричащие противоречия в мировоззрении писателя, отразившего «разум» и «предрассудки» патриархального крестьянства, слабые и сильные стороны его идеологии.

Проповедуя терпение, смирение, «нравственное самоусовершенствование», «непротивление злу насилием», Толстой вместе с тем резко восставал против всякого конкретного проявления социального зла, против всяких попыток его оправдания.

Среди абстрактных, реакционно-идеалистических, религиозно-нравственных рассуждений в его Дневниках содержится огромное количество исключительно ярких страниц страстного обличения социальной несправедливости. Эти записи представляют для нас особый интерес. Они помогают уяснить идейную направленность творчества писателя, понять кровную связь его с социальными чаяниями и стремлениями дореволюционного крестьянства.

В Дневниках и Записных книжках 1888—1890 годов находим многочисленные заметки и подготовительные материалы к обличительным произведениям Толстого этих лет. Здесь зафиксированы первые замыслы «Воскресения» и первоначальный этап работы над бессмертным романом, различные стадии работы писателя над пьесой «Плоды просвещения», повестями «Крейцера соната», «Дьявол», «Отец Сергей», статьей об искусстве и другими произведениями.

Наибольшее внимание, естественно, привлекают материалы, связанные с историей создания «Воскресения».

Еще задолго до того, как в творческом сознании писателя стал конкретно вырисовываться замысел «Коцевской повести» («Воскресения»), Толстой мечтал создать обличительное художественное произведение. 5 января 1889 года, находясь в Москве, он прочел статью Кеннана о тюремном режиме, установленном для политических заключенных в Петропавловской крепости. В этот же день он записал в Дневнике: «Читал Кеннена и страшное негодование и ужас при чтении о Петропавловской крепости. Будь в деревне, чувство это родило бы плод». Только городская обстановка жизни, раздражавшая и тяготившая писателя, помешала ему тогда создать художественный «плод», характер которого соответствовал бы идейной направленности «Воскресения». Позднее режим Петропавловской крепости был изображен Толстым во второй части романа.

Резко враждебное отношение к политическому режиму самодержавия сочеталось у Толстого с ненавистью к казенной церкви, на которую всегда опирались эксплуататоры для порабощения народа. Толстой видел, как христианское словоблудие господствующих классов совмещалось с диким произволом по отношению к людям труда, лицемерно величаемым «братьями во Христе». Писатель с резкой неприязнью относился ко всем новым модным религиозным течениям среди социальных «верхов» общества. Как видно из дневниковых записей, 8 февраля 1889 года Толстого посетил английский евангелист Ф. В. Бедекер. Популярный среди английской и отчасти русской аристократии проповедник-миссионер послужил прототипом для сатирического изображения Кизеветтера и англичанина в «Воскресении». По мнению Толстого, «они (т. е. деятели православия. — *И. У.*) — паразиты... лицемеры». Обращаясь к ним, Толстой говорит: «Святые-то, которых вы называете вашими, были бы только больше святыми, если бы не было вас... а вы — противное им, вы губители истины» (Дневник, запись 4 июля 1889 года). Передавая в Дневнике спор с А. М. Кузминским о православии, Толстой записывает свое суждение о том, что деятели православия — «злейшие враги, то есть главные задерживатели установления» того «царства божия», под которым писатель разумел социальную справедливость в ее специфическом толстовском истолковании (та же запись). Эти мысли Толстого получили яркое выражение в романе «Воскресение».

30 апреля 1889 года Толстой записывает в Дневнике «7 пунктов обвинительного акта против правительства: 1) Церковь, обман суеверия, траты. 2) Войско, разврат, жестокость, траты. 3) Наказание, развращение, жестокость, зараза. 4) Землевладение крупное, ненависть бедноты города. 5) Фабрики — убийство жизни. 6) Пьянство. 7) Проституция».

Это резкое обличение Толстым помещичье-буржуазного государства и церкви и определяет общий характер идейного направления «Коновской повести». Уже в первоначальном замысле будущего романа звучит гневный протест писателя против угнетения личности в собственническом обществе. Именно поэтому в первых редакциях «Воскресения» все мысли художника сосредоточиваются вокруг сцены суда, глумящегося над человеком и попирающего элементарную справедливость.

Замысел «Воскресения» возник под впечатлением рассказа А. Ф. Кони об одном случае из его судебной практики. Но с первых же дней работы над романом Толстой явно ощутил крайнюю для него, художника, недостаточность, схематичность переданного ему А. Ф. Кони сюжета. «Смутно набиваются данные... для Коновской повести», — записывает Толстой в Дневнике 17 декабря 1889 года. И хотя авторская датировка говорит о завершении 26 декабря 1889 года первой редакции «Коновской повести», буквально в следующие дни писатель вновь принимается за переработку ее.

К 90-м годам в распоряжении Толстого было огромное количество доходивших до него самыми различными путями сведений о разорении, нищете, безземелии крестьянства, произволе помещиков, представителей власти, церкви и т. п., что могло дать писателю материал не для одного, а для многих обличительных романов. Но знать что-либо Толстому было мало. Писателю нужно было еще «прочувствовать» известные ему факты, понять, как на эти факты смотрит «множество людей». Гениальный художник стремился к такому изображению событий, которое соответствовало бы не только его личной оценке фактов, но и оценке их широкими слоями народа. В этом отношении чрезвычайный интерес представляет дневниковая запись 3 января 1890 года: «Пророк, настоящий пророк, или, еще лучше, поэт (делающий) — это человек, который вперед думает и понимает, что люди и сам он будет чувствовать. Я сам для себя такой пророк. Я всегда думаю то, что еще не чувствую, напри-

мер, несправедливость жизни богатых, потребность труда и т. п., и потом очень скоро начинаю чувствовать это самое». «Прок-поэт», по мнению писателя, должен выразить не только то, что он сам думает, но и прежде всего то, что люди чувствуют, и суметь слить свое и их чувство воедино. «Коневский рассказ» в его первой редакции, повидимому, не удовлетворял писателя именно потому, что в нем еще не было в необходимой для художника степени выражено «чувство» людей, то есть миллионов крестьян, о несправедливости жизни господствующих классов.

По дневниковым записям 1889—1890 годов можно проследить шаг за шагом, как шел у Толстого процесс «набирания данных» и их «прочувствования» для первых редакций романа «Воскресение». В Дневник 11 февраля и в Записную книжку 10 и 11 февраля 1890 года Толстой заносит конспективные записи многих прояснившихся ему сюжетных и психологических деталей «Коневской повести», которые в значительной степени отразились в тексте романа. В этих записях, в частности, Толстой уже ясно очерчивает замечательную сцену встречи Катюшей поезда, в котором проезжал Нехлюдов. «Она, — записывает Толстой в Дневнике, — увидав его при проезде, хочет под поезд, но садится и слышит ребенка в чреве». Сюжетная мысль Толстому ясна даже в деталях, но у художника продолжается сложный процесс «прочувствования». И только спустя много времени в итоге этого процесса Толстой приводит оставленную Нехлюдовым Катюшу к пониманию правды о страшном глумлении над ней людей, живущих «несправедливой жизнью богатых», к сознанию, что «всё, что говорят про бога и его закон, всё это — обман и несправедливость».¹

Работа над «Коневской повестью» сопровождалась у Толстого размышлениями о тягостном положении народа, лицемерии казенной церкви, произволе господствующих классов. Дневники писателя показывают, как морально-психологический сюжет «Коневской повести» превращался постепенно в широкое полотно социально-обличительного романа «Воскресение».

18 июня 1890 года Толстой записывает, что «надо Коневскую начать с сессии суда» и «тут же высказать всю бессмыслицу суда». 22 июня он вновь возвращается к этой мысли: «Уяснил

¹ «Воскресение», ч. I, гл. XXXVII.

себе внешнюю форму Коневского рассказа. *Надо начать с заседания. И тут же юридическая ложь и потребность его правдивости*. У Толстого возникла настоятельная необходимость самому увидеть «всю бессмыслицу», «юридическую ложь» царского суда. 23 октября того же года он записывает: «Хочу ехать слушать дело в суде». 27 ноября Толстой присутствовал на судебном заседании в Крапивне по делу об убийстве четырьмя крестьянами своего односельчанина-конокрада. Суд представился писателю «стыдной комедией». Но Толстой «записывал то, что нужно было для натуры» (запись 28 ноября 1890 года в Дневнике и 27 ноября в Записной книжке № 2). 14 декабря того же года Толстой начал «Коневскую сначала» (см. запись 15 декабря). Это начало повести содержит характеристику Нехлюдова и обрывается на его отъезде в окружной суд.

В Дневниках 1888—1890 годов, отражающих период замысла романа, видно, как все более и более перемещался весь круг творческих интересов Толстого с изображения жизни господ к отражению жизни народа.

Размышляя об искусстве и науке господствующих классов, Толстой записывает в Дневник 15 июня 1889 года: «Жрецы... науки и искусства... давно решили, что *черный* народ должен им служить». А куафер театральный купил имение и ему в ноги падают мужики». Страдания народа приводят писателя к мысли, что в искусстве «описывается всё, как жизнь отдают герои другим, но всё это вздор. Надо от места отказаться, как Семеновский дворник (имеется в виду главное действующее лицо рассказа С. Т. Семенова «Дворник». — *И. У.*) или, еще труднее, от каши, когда голоден». Толстой наблюдал тысячи крестьян, отрывающих от себя последний кусок хлеба, чтобы накормить детей, больных, стариков. В жизни крестьянина-труженика писатель видит подлинный человеческий героизм, являющийся единственным достойным предметом искусства.

Стремление высказать свой взгляд на цели и задачи искусства выразилось в напряженной работе в 1888—1889 годах над первой статьей об искусстве, явившейся начальной стадией работы над трактатом «Что такое искусство?».

Многие мысли, занесенные в Дневник и Записные книжки, были развиты впоследствии Толстым в трактате «Что такое искусство?». 20 мая 1889 года в Дневнике и Записной книжке конспективно излагаются мысли о признаках «истинного

искусства». На другой день в Записной книжке фиксируется возникший у Толстого вопрос: «Как народ везде смотрит на науку и искусство?». В дневниковой записи 22 августа 1889 года утверждается требование, чтобы искусство «было ново, было хорошо ясно и было правдиво», высказывается резкое осуждение «эстетов в искусстве», псевдоискусства «избыточествующих классов». Замечательно в этой записи ироническое сравнение Толстым теории «искусства для искусства» с процессом чтения у гоголевского Петрушки.

Несмотря на всю противоречивость эстетических взглядов писателя, несмотря на то, что взгляды эти содержали в себе много ложного, ошибочного, обусловленного реакционными сторонами религиозно-нравственного учения Толстого, в них легко выявляется главное, ценное, именно — справедливое требование демократизации искусства как в его содержании, так и в форме; беспощадное обличение упадочного буржуазного искусства, враждебного и чуждого народу; утверждение огромной роли подлинного, народного, демократического искусства в жизни общества.¹

Дневники и особенно Записные книжки позволяют проследить напряженную работу Толстого над языком своих произведений, увидеть прямую и глубокую связь стиля писателя с разговорной речью народа. Записные книжки, публикуемые в настоящих томах, свидетельствуют об упорном стремлении писателя сочетать простоту и ясность литературного языка с высоким его художественным совершенством.

Отдельные записи и Записные книжки, вошедшие в 50 и 51 томы, представляют значительный материал для изучения истории создания, стиля произведений, работа над которыми относится к концу 80-х годов. Записи уточняют прототипы произведений, содержат указания на замыслы различных вариантов сцен «Плодов просвещения», эпизодов «Крейцеровой сонаты». Здесь зафиксированы также изменения фамилий действующих лиц «Плодов просвещения» (например, гипнотизера, профессора), изменение самого названия пьесы. В этих же записях отражены творческие планы различных эпизодов первоначальной редакции «Воскресения», приведены

¹ Подробнее об эстетических взглядах Толстого см. в предисловиях к 30 и 52 и 53 томам настоящего издания.